
МИХАИЛ ЧВАНОВ

ТРИ ПОДВИГА СТАНИСЛАВА КУНЯЕВА

Заметки о трёхтомнике Ст. Куняева “Поэзия. Судьба. Россия”

У людей, сколько-нибудь причастных к отечественной литературе, независимо от того, писатели они или читатели, имя Станислава Куняева не вызывает и никогда не вызывало срединных или неопределенных чувств. Одни его любили и любят, другие даже более страстно, до самозабвения, ненавидят. Впрочем, я не совсем прав, есть еще одна категория людей, которые, как и первые, его тоже искренне любят, но выражают – на всякий случай – эту любовь не явно, а тайно, без свидетелей, и ни в коем случае письменно, потому как это уже документ, который может боком выйти.

Весьма затертый, но очень точный образ – “лакмусовая бумажка”: опустишь ее в какую-нибудь жидкость, и по тому, окрасится она или нет, безошибочно определишь, щелочь перед тобой или кислота. Так и фамилия Куняев: назови ее, и по реакции человека безошибочно определишь, кто он: свой или не свой, или нечто среднее, образно говоря, нравственно “голубое”.

Познакомился я со Станиславом Юрьевичем Куняевым в некогда идиллическом Переделкине. Сразу скажу, что по родителям своим и по убеждениям – русский человек, в стан единомышленников Станислава Куняева я попал не сразу. Столь был мощен, яростен и подл поток клеветы, обрушенной на него, как и на все русское воззрение, которое в то время снова робко начало поднимать голову. Столько было наворочено всякого гуманистического “общечеловеческого” вокруг знаменитой фразы: “Добро должно быть с кулаками!”, что он мне тоже до поры до времени представлялся если не монстром, то человеком, с которым у меня, истинного патриота, не может быть ничего общего. В Переделкине меня познакомил с ним, кажется, Владимир Личутин, а потом встретились в Малеевке, своеобразной Мекке русскоязычной литературы, которой – до поры до времени я не понимал, почему, – всячески избегали Распутин и Белов. Я благодарен ей в том числе и за то, что она дала мне, неискушенному провинциалу, которого малеевский бомонд всерьез не принимал и не очень-то мимикрировал передо мной, возможность увидеть изнутри мир самой передовой советской литературы, а еще, что она дала возможность познакомиться ближе со Станиславом Куняевым, при появлении которого мэтры русскоязычной литературы словно ломы проглатывали. Если в Переделкине я с напряжением ждал неизбежности нашего знакомства, готовый даже бросить ему в глаза пару неприятных и, конечно же, справедливых, по моему тогдашнему разумению, слов, то теперь как подарок судьбы принял наше неожиданное соседство. Я ожидал встретить воинственного, сухого человека, а он оказался удивительно мягким, даже застенчивым, несколько спрятавшимся – может, в порядке самозащиты – за большими роговыми

очками. По поводу же знаменитой фразы он лишь улыбнулся: максимализм молодости. Что же касается приписываемого ему шовинизма, то в своей книге он по этому поводу написал:

“Во мне всегда было некое объединительное, дружелюбное, спокойно-доброжелательное свойство, которое не отпугивало ни смуглых, ни узкоглазых, ни курчавых людей. Они как бы чувствовали, что я никогда не поставлю отношения между нами в прямую зависимость от того, сколько примеси и какой крови у нас в жилах, что для меня главное – ощущает ли себя носитель той или иной крови русским человеком или, в крайнем случае, лояльно ли относится к русской природе и русской истории...”

Наличие татарских, грузинских, армянских “примесей” в русских людях я вообще не придавал никакого значения. С еврейскими генами было сложнее. Я ощущал их особую силу и старался быть с их носителями внимательнее и осторожнее, доверяя в этих размышлениях не столько себе, сколько проницательным и честным мыслителям из самой еврейской среды...”

По поводу же той сакраментальной, приписываемой ему, не принимаемой мною тогда фразы: теперь-то я знаю, что добро должно быть не с кулаками, а в том числе и с ракетно-зенитными комплексами С-300, с мощной армией и с атомными бомбами. Всечеловеки любят цитировать Иисуса Христа: “кто ударит в правую щеку твою, обрати к нему и другую”. Но Иисус Христос вкладывал в эти слова совсем иной смысл, который вкладывают они. А еще он говорил: “Не мир пришел я принести, но меч”.

Теперь-то я уверен, что абсолютно справедливо был отлучен от церкви Л. Н. Толстой. Великий писатель своей антихристианской, ловко подмалеванной под христианство ересью, в том числе теорией непротивления злу насилием, нанес столь же великий вред России, как и террористы-революционеры. На книгах Л. Н. Толстого взросло и воспиталось несколько поколений как мягкотелых бездеятельных русских интеллигентов, так и циников-атеистов, отчего само исконно русское понятие “интеллигенция” сменило смысл почти на обратный и стало чуть ли не ругательным.

“Воспоминания и размышления” (так определил жанр книги сам автор), составившие трёхтомник, первоначально из номера в номер публиковались в “Нашем современнике”. В общем-то далекий от внутренних проблем и разбор поэтического цеха, более того, считающий, что читателю это совершенно неинтересно, даже не нужно знать, я, тем не менее, получая каждый следующий номер журнала, начинал читать его почему-то именно с “воспоминаний и размышлений” Станислава Куняева и однажды, получив очередной номер журнала и не обнаружив их продолжения, почувствовал пустоту.

И вот теперь они вышли отдельной книгой, трёхтомником под издательской крышей все того же “Нашего современника”. В дарственной надписи мне он определил их как “главную книгу моей судьбы и русской жизни”.

Начав перечитывать “воспоминания и размышления”, а собранные воедино, они воспринимаются несколько иначе, чем кусками в журнале, я меньше всего думал, что буду писать о них. Во-первых, не литературовед я и не литературный критик, а во-вторых, считал, что и без меня будет много желающих написать о них, тем более что перед нами несомненное явление в русской литературе и общественной мысли. Но чем больше я в них углублялся, тем больше убеждался, что книга не вызовет большой прессы, не потому что она незначительна или неинтересна. А потому, что неудобна для очень многих, если не большинства. Не только так называемым демократам и либералам, которые, мягко говоря, не очень любят Станислава Куняева, но, к сожалению, не по нутру она будет и многим из стана русских воинов.

Разумеется, она не приведет в восторг переметнувшихся во вражеский окоп. Но ведь не придут от нее в восторг и В. Н. Крупин, и Ю. В. Бондарев, и С. В. Михалков. Не понравилась бы она покойному С. П. Залыгину, так хорошо и честно начавшему в русской литературе, но под конец жизни превратившему, видимо, не случайно доверенный ему “Новый мир” в антирусский рупор, в том числе на протяжении ряда лет травивший уже мертвого М. А. Шолохова. И покойному прекрасному русскому писателю В. А. Солоухину, барину из крестьян, она вряд ли пришлась бы по вкусу. (Владимира Алексеевича русский читатель уважал в том числе и за его статьи о судьбе аксаковских мест. Когда же я ему, отмеченному заслуженной славой, позвонил, чтобы пригласить на празднование 200-летия со дня рождения С. Т. Аксакова,

с таким трудом организованное, несмотря на начинающуюся пресловутую перестройку, правда, уже несколько позже переросшую в перестрелку, он мне снисходительно так, по-барски лениво прогудел в телефонную трубку: “Ну что ты, Миша, меня как раз на это время президент Узбекистана пригласил на виноград. Не могу же я ему отказать”. Я буквально оторопел. Крыть было нечем. Старик Аксаков, основатель великой русской семьи Аксаковых, конечно же, не чета президенту Узбекистана, да и виноград на родине Аксакова не растет, а все больше картошка...) С самим собой назначенной патриаршей от литературы высоты постарается не заметить “воспоминаний и размышлений” Станислава Куняева А. И. Солженицын.

Из старшего поколения хороших русских писателей многие не придут в восторг. Потому что правда режет глаза:

“Надо сказать, что мы, поколение русских литераторов, вошедших в писательскую среду в начале шестидесятых, серьезнее и точнее ощущали все опасности, надвигающиеся уже в то время на нашу жизнь, нежели поколение наших отцов и старших братьев.

Все они по-своему незаурядные и популярные, а иные и талантливые писатели. Герои Соцтруда, лауреаты, формально обладавшие большой властью, на деле были людьми осторожными, расчетливыми, чересчур бережливыми по отношению к себе и своему литературному имени, чересчур зависимыми и от воли каждого идеологического чиновника той эпохи, и от привычек ко “льготам и привилегиям”, которыми они пользовались за верную службу.

Во многих делах они шли на сомнительные компромиссы с властью, трепетно оберегая свои репутации, собрания сочинений и гонорары, иногда поступались в судьбоносные минуты и национальными интересами, и честью, и правдой. . .”

Станислав Куняев – для многих, в том числе и для своих, явно неудобный человек, можно сказать, состоящий из одних острых углов, мешающий совершать сделки с совестью, пусть лишь иногда, и то исключительно в благих целях. Еще в большей степени неудобна его книга, ибо писалась она ради высшей правды, потому что это главная книга его судьбы и русской жизни, – и ради истины он не пожалел ни чужих, ни своих. Мне очень близка полярность Станислава Куняева, неразмытость его позиции. Как, например, смущающая даже многих русских патриотов полярность и неразмытость позиции Вячеслава Клыкова. Я тоже не сторонник тех, кто пытается искать истину посередине, стараясь примирить правых и левых, и серо-буро-малиновых тоже, оправдывая себя сомнительным, как раз, может, шовинистическим лозунгом: все же мы русские люди, надо прощать друг другу. Не в восторге я от искренней, но нужной ли, не размывающей ли истину попытки соединить несоединимое глубокоуважаемого мною добрейшего В. Я. Курбатова, подобно телевизионному коту Леопольду время от времени восклицаящего на организованных для этой цели писательских встречах: “Ребята, давайте жить дружно!” Я не очень приемлю восторг во стане русских воинов по поводу присуждения в последнее время русским писателям солженицынской премии (к покойному К. Воробьеву это не относится): наконец-то и мы доросли до нее! А не потеряли ли мы, еще вчера не принимавшие его мессианства, чувства гордости? И не попытка ли это нас, нищих, приручить? И выдается не в рублях, которые мы не стесняемся называть “деревянными”, а в долларах, и это нас тоже не оскорбляет. И получается, что вроде он во всем был прав, а не мы, и мы теперь молча признаем его правоту. Я поверю в это вдруг наступившее единство русских людей – а для меня понятие русский, как и для “шовиниста” Станислава Куняева, не понятие чистоты крови, а прежде всего отношение к Державе, – когда премию А. Солженицына присудят и Станиславу Куняеву. Другой вопрос: примет ли он ее?

Не понравится эта книга и значительной части русской эмиграции, ибо к ней у него далеко не восторженное, далеко не идеализированное, как у того же В. А. Солоухина, а строгое, избирательное отношение. Тем более она не понравится той масонской ее прослойке, которая вьется вокруг пресловутой наследницы императорской фамилии великой княгини Марии Владимировны, дочери предавшего престол великого князя Владимира Кирилловича, тесно связанной через единоутробную сестру Хелен Кирби с еврейскими банкирскими домами, известными своим финансированием революции в России. На случай провала демократической ельцинской революции, как один из

вариантов, планировали даже тайно возвести на русский престол ее несовершеннолетнего сына принца Георгия, чтобы регентом к нему приставить кого надо. На эту серую мышь, вдруг хищной орлицей в разгар Нового Смутного времени появившуюся на российском горизонте, ориентируется и наше домо-рожденно-опереточное Дворянское собрание во главе с князем Голицыным; там же — пока! — и великий русский “патриот” Михалков-младший, не столь давно на полусогнутых бросившийся обслуживать предвыборную кампанию в Карачаево-Черкесии кровавого г. Березовского, наравне с бен Ладеном финансирувавшего, может, и сейчас финансирующего чеченских бандитов.

Станислав Юрьевич Куняев относится к тому, ныне, к сожалению, очень редкому типу русских интеллигентов, исповедующих коренное русское воззрение и потому ненавистному самым разным слоям нашего нынешнего супердемократического общества. В самом начале книги, чтобы ни у кого не было сомнений, он так и определил себя:

“Я имею честь принадлежать к той породе русских людей, о которых Аллен Даллес, изложивший в конце Второй мировой войны программу планомерного уничтожения России и русского народа, с высокомерием писал: “И лишь немногие, очень немногие будут догадываться и понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способы оболгать и объявить отбросами общества”.

“Три подвига Станислава Куняева” — так я обозначил свои заметки по поводу его трёхтомника “Поэзия. Судьба. Россия”, потому что, анализируя обозреваемое издание, невозможно не коснуться всей литературно-общественной биографии автора как явления русской жизни.

Первый подвиг — подвиг поэта. Да, Станислав Куняев не поднялся до высоты Пушкина или Есенина, но даже сам факт, что он в свое время бесстрашно, не зная сомнений, решился поднять голову над общим мелкоколесьем, возросшим на пепелище русской поэзии, вслух сказать в своих стихах о том, о чем большинство боялось говорить даже под одеялом, равен подвигу. И постоянно быть — нет, не в страхе! — в ожидании быть срубленным, как его предшественники, и стать при этом именем нарицательным, к которому одних влечет, а другие от которого шарахаются — разве это не подвиг?

А само нынешнее существование журнала “Наш современник” — разве не подвиг? Я однажды представил, что вдруг не будет “Нашего современника”, и мне стало страшно, потому что сегодня в России нет больше ни одного литературного издания, потеря которого невозможна для русского воззрения. К сожалению, это больше понимают враги, чем некоторые свои, благодушные русские краснобаи. Тут нельзя не вспомнить добрым словом С. В. Викулова, он точно выбрал, кого оставить в журнале после себя главным редактором.

Во время ГКЧП и последующих, не менее драматических для России событий российские писатели мужественно встали на защиту своего Дома писателей. Слава Богу, что спасли! Но страшно было бы, если не спасли бы свои патриотические издания, прежде всего “Наш современник”, “Москву”. В свое время на писательском пленуме в Омске я поднял вопрос о сложившейся ситуации в еженедельнике “Литературная Россия”, которая стала не только секретом, но и откровенно желтеть, в ней все больше и больше появлялось сомнительных публикаций. Помимо материалов явно чуждого толка, я вынужден был из номера в номер читать бездарные байки Бориса Леонова о еще более бездарных, восемнадцатисортной значимости одесских бумагомарателей: кто из них когда какую плоскую шутку сказал в ЦДЛовском гадюшнике. Я говорил о том, что Союз писателей, построенный по схеме советской бюрократической системы, рано или поздно может умереть, и что, скорее всего, писатели, как в прошлом веке, будут группироваться, в зависимости от убеждений, вокруг литературных изданий. И потому так важно, пока еще не поздно, сохранить “Литературную Россию” как рупор русского воззрения. Тогда к моему голосу не прислушались, один только В. Г. Распутин в перерыве подошел ко мне: “Молодец, хорошо сказал”, но тоже год или даже больше продолжал формально состоять членом редсовета давно уже идейно чуждого ему издания, что же касается рабочего секретариата правления Союза писателей России, он старался избегать резких телодвижений: а вдруг само собой образуется... Хватились, но было уже поздно. Теперь уже твердо можно сказать, что Союз писателей России потерял для себя еженедельник. Что он ныне собой представляет (может, лишь последние номера стали немного лучше) —

надругательство над памятью Эрнста Ивановича Сафонова. Этот горький факт лишний раз подтверждает, что любое издание – это главный редактор, ибо до Э. И. Сафонова “Литературная Россия” была настолько серым изданием, серее которого было трудно что-нибудь придумать. Так вот, “Наш современник”, пожалуй, единственный из литературных изданий, кто ныне и соединяет русских писателей в не формальный, а истинный Союз. И это несомненный результат подвига его главного редактора Станислава Куняева.

Смутное время, как это, может, ни кощунственно звучит, тем хорошо, что все расставляет на свои места, выявляет, кто свой, кто – чужой, а кто – свой хуже чужих. Кто придет – а рано или поздно, к сожалению, наступит это время – в журнал после Станислава Юрьевича Куняева? И не рухнет ли он без него вообще? Меня все больше и больше волнуют эти вопросы. Гораздо больше, чем сохранится или не сохранится Союз писателей России

И может, самый трудный и самый неблагодарный подвиг Станислава Куняева – эта книга “воспоминаний и размышлений”. Почему неблагодарный, наверное, уже не нужно объяснять. Приятно писать о Пушкине, Тютчеве, Есенине, но ему, взявшему на себя труд стать историком русской поэзии и русской жизни второй половины XX века, чтобы неискушенному и искреннему российскому читателю, еще в советское время замордованному так называемыми средствами массовой информации, больше похожими на средства массового уничтожения, рассказать правду о запрятанной, расстрелянной, расквашенной, оплеванной, затоптанной в грязь русской поэзии, чтобы научить различать зерна и плевела, пришлось писать в том числе и о литературных русскоязычных ремесленниках, о литературных клопах и тараканах, о помогающих им тайно или явно партийных и литературных функционерах. Копаться в околотрудовом и околопоэтическом дерьме, преподносимом нам до сих пор в качестве злата и серебра, писать о литературных подонках, провокаторах и сексотах, вроде всякого рода евтушенок, вознесенских и межировых, и мне до слез обидно, что о таких действительно величинах русской поэзии и русской общественной мысли, как Юрий Кузнецов и Вадим Кожинов, написано в книге как-то вскользь, неоправданно мало.

Оправдание в том, что о них еще напишут. А он, взявший на себя труд сказать правду о русской литературе второй половины XX века, на который, кроме него, наверное, никто не решится, вместо того чтобы писать о В. В. Кожинове, вынужден был писать о неистовом Н. Эйдельмане, борце с русским шовинизмом и антисемитизмом, имя которого нынешнему читателю уже ничего не говорит, но которому в свое время в конце концов удалось выкорчевать “шовинизм и антисемитизм” у В. П. Астафьева. Много литературного мусора вынужден был перелопатить Куняев, но кто-то должен был сказать и эту правду о русской литературе, о русской поэзии, а значит – о русском народе.

Эта книга, кому посчастливится ее прочесть, на многое откроет глаза. К сожалению, до сих пор для многих история русской поэзии второй половины XX века – это якобы оппозиционные, а на самом деле псевдооппозиционные (по плану ЦК КПСС и Лубянки специально создавалась легенда об их мятежном духе) Евтушенко и Вознесенский. Конечно же, Бродский, Маршак, поменьше – Михаил Светлов, Илья Сельвинский, Юнна Мориц, Наум Лейкин... – этот ряд можно продолжить до бесконечности. Как и для многих русская песня – это Утесов, Алла Пугачева или теперь уже совсем народная Надежда Бабкина. Сразу спрошу: кто совершит подобный Станиславу Куняеву подвиг – напишет правдивую, увы, горькую книгу о судьбе русской песни, вообще о русской музыке? Живя в Башкирии, я практически каждый день в застолье, с телеэкрана с завистью слышу прекрасную народную башкирскую, татарскую песню, она живет, продолжает свою многовековую традицию. Но послушайте, что поют русские за своими застольями: “Черного кота”, который стал чуть ли не классикой, “Арлекино”... Судьба русской песни, русской музыки в еще более трагическом положении, чем судьба русской поэзии, она убита почти совершенно, и страницы о Георгии Васильевиче Свиридове, не только великом русском композиторе, но и великом русском философе и мыслителе, – одни из самых ярких в книге, не случайно, видимо, а по Божьему промыслу судьба свела с ним Станислава Куняева. Даже для меня, несколько посвященного в личную жизнь великого композитора, была потрясением глава о Георгии Васильевиче Свиридове. Во-первых, оказывается, он думал о так называемой

современной искусственно насаждаемой классической музыке так же, как и я, считающий, что я просто не понимаю ее по причине своей музыкальной необразованности, а оказывается, это свойство любого нормального человека. Я был потрясен, в какой атмосфере – нет, не непонимания, все понимали его гениальность – отчуждения он жил. Он писал Станиславу Куняеву: “Живу одиноко... В своей профессиональной среде я – пария, чужой человек”. Или еще: “Я очень одинок. В музыкальной жизни пахнет псиной, мафией, интригами...”. А мы считали, что он в башне из слоновой кости. Мы привыкли думать, по аналогии с литературной и композиторской номенклатурой, что гений, по крайней мере, в быту как сыр в масле катается: как минимум, при даче, при персональной машине, пристроен к спецраспределителю... Увы, даже дачку всю жизнь он вынужден был снимать чужую. В свое время я подобным образом был потрясен, познакомившись близко с Екатериной Александровной Есениной, сестрой великого поэта, женой его друга, тоже прекрасного поэта, моего земляка Василия Наседкина: передо мной в полупустой квартире на тахте, словно на лагерных нарах, сидела, дымила махоркой усталая пожилая женщина, которой недавно наконец разрешили жить в Москве: брат убит, муж расстрелян, сын, вынужденный беспризорничать, стал вором, умер от туберкулеза...

Но вернемся к русской поэзии второй половины XX века. Оказывается, все было, мягко говоря, не совсем так, а если точнее – совсем не так, как нам преподносила та же “Литературная газета”. Кроме вознесенских и евшушенок, кстати, мимикрировавших под чужие фамилии, были и другие, истинные, искренние голоса, о которых читатель не знал или почти не знал, оглушенный специально созданной шумовой завесой первых: Ярослав Смеляков, Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Анатолий Передреев, Федор Сухов, Алексей Прасолов...

Не знаю, как у других, и хотел или не хотел этого автор, у меня книга “вспоминаний и размышлений” по прочтении оставила тяжелое чувство.

Русская поэзия XX века – это река подо льдом, и многие о ней просто не подозревали. А параллельно с ней, а может, и прямо над ней неслась, пеннлась мыльными пузырями другая, искусственная, в том числе и для того, чтобы скрыть первую. Да, река подо льдом, для которой не существовало времен года. Если для второй была так называемая “оттепель”, о которой в свое время столько шумели, то у нее была одна сплошная зима.

Русская поэзия второй половины XX века – не просто река подо льдом, а отравленная гадостью, как все наши реки, начиная с великой Волги. Она так же, а может, еще в большей степени, перегорожена всевозможными плотинами, застойными водохранилищами, в нее спускают всевозможные канализационные стоки... И Станислав Куняев взял на себя неблагодарный труд стать историком и хранителем этой подледной или подземной реки. Мало того, определил это главным делом своей жизни, как бы во второй раз перечеркнув в себе поэта. Первый раз он это сделал, взвалив на себя труднейшую и ответственнейшую ношу главного редактора “Нашего современника”.

Но образ реки подо льдом порой у меня перебивает другой образ, образ лесоповала. Повторяю: по прочтении книги оглянешься – и становится страшно. Не в обиду кому сказано: великой поэзии, еще выше поднявшей крылья поэзии XIX-го и начала XX века, в отличие от прозы, по большому счету, не состоялось. Потому что не было больше векового леса. Не было больших деревьев, в тени которых поднимался бы, спасаясь от палящего солнца, от ураганов, молодняк, чтобы в будущем стать такими же большими деревьями, а может, и мощнее. Русская поэзия, как и русская литература XX века вообще, это даже не выборочная рубка рачительного хозяина, а делянка после сплошного лесоповала, где все, что осталось недорубленным, искорежено, измозжено тракторами и лесовозами, а корни подпалены, чтобы ничто тут больше не росло, последующим пожаром, даже сама почва содрана с материкового камня, и ее уносит в реки весенними и осенними дождями. Но и это еще не все: по какому-то большому вселенскому плану тут больше не намечено естественное восстановление леса. В лучшем случае в будущем запланируют искусственные лесопосадки, где совсем другие деревья в один ряд и в один рост, а пока, не подзревая о том, на пустыре постепенно начинает подниматься мелколесье, а это уже чаще всего какой-нибудь осинник.

Но и это еще не все. После сплошного лесоповала на искореженную землю, прежде чем на ней лет через пять-десять начнет подниматься мелколе-

сье, набросится чужая трава-дуролом, которая тут никогда не росла, в рост человека, а то и выше, каким только ветром семена занесло...

История русской поэзии – от Пушкина до Рубцова...

От аристократа в жизни и в поэзии – до бездомного, бесприютного полубомжа. Музей-заповедник в Михайловском, другие дома и квартиры, в которых жил великий поэт, – и дом-музей-изба, в которой Н. Рубцов, при жизни практически не имевший сколько-нибудь приличного угла, поселился только после своей смерти: чужой стол, который он в свое время подобрал чуть ли не на помойке, да гармошка, подаренная, кажется, Василием Беловым... Но и его страшная судьба еще не край. Перед ним было вообще лагерное, расстрелянное поколение, даже могил не найти. Вот результат того страшного, неслучайного, а тщательно спланированного, неодноразового лесоповала. Чуть поднимется деревце над общим жадно и в то же время боязливо тянущимся к небу мелкоколесьем – и на жердь, на дрова, а то и на веники для скота, потому что сена почему-то вовремя не накопили.

Такова судьба не только русской поэзии. Такова судьба вообще русской литературы и русского воззрения. Меня у Станислава Куняева резанули по сердцу строки:

“Мой друг Анатолий Передреев однажды на каком-то писательском съезде стоял рядом со мной у Кутафьей башни.

Мы увидели четверых живых классиков, шедших бок о бок вдоль Александровского сада и приближающихся к нам. Это были Василий Белов, Федор Абрамов, Владимир Личутин и Дмитрий Балашов. Маленькие, каждый метр с кепкой, коротконогие, скуластые, с рыжеватыми бородачками.

Анатолий Передреев – стройный высокий красавец, человек южнорусской породы, понимая, что выгодно отличается от них, лукаво толкнул меня в бок:

– И это великие русские писатели?!”

Горло перехватило у меня. Вот они, вопреки всему поднявшиеся после лесоповала от чудом сохранившихся корней после последующего за ним пожара. Может, природа, инстинктивно оберегая их, прижимала к земле, чтобы не видно было раньше времени их буйных голов над дуролом-травой. Чтобы не отсекали им случайно или неслучайно головы.

И еще горло перехватило: знал бы ныне покойный Анатолий Передреев, родившийся в Грозном и женатый на чеченке, что в скором времени станет с русскими на его родине?!

Нет, совсем не рецензия – а вот такие сумбурные заметки по поводу вырвались у меня при прочтении трёхтомника “вспоминаний и размышлений” Станислава Куняева “Поэзия. Судьба. Россия”.

И в завершение их я возвращаюсь к началу разговора – о трех категориях людей по отношению к Станиславу Куняеву: любящих его, ненавидящих и любящих тайно.

Станислав Юрьевич однажды обратился, как он считал, к близкому другу, юноше из Могилева, несомненно одаренному поэту, вроде бы не чуждому русскому воззрению, по крайней мере, талантливо осуществившему очередной перевод на современный русский язык “Слова о полку Игореве”, с просьбой выступить на его юбилейном вечере. Тот промолчал, только потом, на пустынной улице, убедившись, что никто их не слышит, ответил:

– Знаешь, я обдумал твое предложение. Я не буду выступать на твоём вечере. Но в трудную минуту я всегда помогу тебе. Только тайно, но не открыто.

Свой трёхтомник Станислав Юрьевич прислал мне по почте с дарственной надписью: “Дорогому Михаилу Чванову – главную книгу моей судьбы и русской жизни”.

Я не буду замазывать эту надпись или прятать ее от чужих глаз, ибо горжусь этой надписью и отношением ко мне этого человека, и потому в завершение скажу:

Дорогой Станислав Юрьевич! Сколько хватит моих скромных сил, не разделяя твоих крайних воззрений на некоторые русские или пограничные с русскими явления русской культуры, такие, как А. Тарковский и В. Высоцкий, я до конца дней своих буду стоять рядом с вами и помогать не тайно, а явно...

г. Уфа